

В обеденный перерыв на полевой стан прибежала учётчица соседней бригады Галинка Савельева – девчонка донельзя веснушчатая, голенастая. На язык невоздержанная. А Михаил Денисович только что плотно подзакусил, постелил возле трактора пахнувший керосином ватник и решил подремать полчаса.

Рядом сидел его младший сын Пётр, прицепщик, поддерживал затылок ладонями, отыскивая взглядом весело звеневших жаворонков под облаками.

Галинка умерила резвую рысцу, поздоровалась, протянула Михаилу Денисовичу извещение на посылку:

– Вот здесь, дядь Миш, распишитесь...

Курносоев достал из кармана куртки карандаш, попробовал его на ногте. Пожал плечами, пробормотал:

– Что ещё за посылка...

– Из Западной Германии, – почему-то понизив голос, сообщила Галинка. – Родственники у вас там, дядь Миш?

Девчонка аж пританцовывала от любопытства. Курносоев посмотрел на неё пристально, усмехнулся едва заметно. Шепнул как бы по секрету:

– Ихний канцлер кумом доводится.

Галинка улыбнулась понимающе, стрельнула глазами в Петра и затараторила:

– Мало ли что. Я, дядь Миш, читала недавно: один рабочий наследство из Америки получил от какого-то усопшего фабриканта. – Перевела дух. – Только он, дядь Миш, отказался от этих больших денег. Честному советскому труженику не нужны наследства, нажитые нечестным трудом пауков-эксплуататоров. И я со своей стороны так вам, дядь Миш, посоветую: если...

– А я всё думал-думал: с кем бы это мне посоветоваться? – Курносоев вдавил в землю окурок, встал, посмотрел на солнце. – По коням, Петька! К концу смены нам ещё во-о-он до той лесопосадки вспахать требуется.

За час-другой новость облетела весь совхоз. Обросла такими подробностями о заграничном родстве тракториста Курносоева, что он почти не удивился, когда встретил возле своего дома участкового уполномоченного, а во дворе увидел с десяток любопытствующих мальчишек. Старшина милиции поприветствовал земляка, пробормотал что-то о погоде, потом сообщил словно бы между прочим:

– Почта в восемь закроется.

Курносоев остановился, вздохнул укоризненно:

– Мальчишки – понятно. А тебе, друг ситцевый, какое дело до заграничных посылок? В пай метишь или как?

Старшина одёрнул китель, заморгал растерянно:

83

– Да нет, я... просто...

– Будь здоров, – не замечая мальчишек, Курносов прошёл в дом. – Собери-ка, мать, пожевать.

Хлеб показался Михаилу Денисовичу пресным. Щи – пересоленными. Расковыряв вилкой котлету, он решительно отодвинул тарелку и пошёл на почту. Там он получил аккуратный фанерный ящичек, осмотрел ярлыки со штемпелями. Озадаченно поскреб в затылке сквозь фуражку, спросил у заведующей:

– А что вот это не по-нашему написано?

– Тоже адреса. Сверху – ваш, снизу – обратный.

– Мне, значит, – окончательно уверился Курносов. – Ка Шульц. Хм! Что за Кашульц?..

Дома Михаил Денисович прошёл на веранду, поставил ящичек на стол, не спеша размял сигарету. Заблудившаяся пчела ползала по наличнику, жужжала басовито. Открыл окно, закурил. Неведомый К. Шульц не выплывал из глубин памяти: много воды утекло за послевоенные десятилетия.

Наконец жена отыскала клещи. Длинные тонкие гвозди вылезали туго, со скрипом. Завернутое в рифлёную бумагу содержимое Курносов не спешил разворачивать, сразу взялся за письмо. Буквы крупные, печатные.

«Дорогой камерад сержант Михаил Денисович! Ваша страна подписала новый договор о сокращении вооружения и охране мира. Поздравляю вас, геноссе сержант, и приветствую вас. Адрес узнал в Москве.

Почтительно прошу принять в подарок сделанную моими руками эту принадлежность туалета. Писать помогает сын, он учит ваш язык. Вы не совсем забыли, что я есть, камерад?

Меня зовут Карл. Помните Ивана?»

Задубевшее, исхлётанное ветрами и годами лицо Курносова просияло, морщины разгладились. Он откинулся на спинку стула, захохотал раскатисто:

– И вспомнил же, шельма!..

На веранду выглянула встревоженная жена. Михаил Денисович вытер повлажневшие глаза, улыбнулся растроганно:

– Полюбуйся, мать, какую мне «принадлежность туалета» из-за границы прислали...

В рифлёную бумагу были завернуты сапоги. Мягкие, аккуратные, хромовые. Луч заходящего солнца скользнул по голенищам, отразился на потолке матовым зайчиком.

Михаил Денисович прошёлся по веранде. Он подтянулся, помолодел, стал похожим на того бравого сержанта, который снисходительно поглядывал на него со стены. За солдатскими спинами сереет побитая осколками, исписанная штыками колонна Рейхстага. Где-то на этой стене расписался и он, сержант Михаил Курносов...

...В Берлине идут уличные бои. Уже вторые сутки. Погода установилась жаркая – дышать нечем. Сквозь едкий дым и пыль едва пробивается солнце, и кажется оно неестественно красным, раздувшимся, будто аэростат. Губы трескаются от зноя, от жажды, от еды всухомятку. Кухни – во втором эшелоне. Вода – во флягах.

Взвод стрелковой роты только что отбил ещё один дом. Побросав оружие, для чего-то сняв каски, из подъезда выходят эсэсовцы с поднятыми вздрагивающими руками. Русский человек отходчив: смотрит он на недавних врагов – жалких, перепуганных, – посмеивается снисходительно.

– А что, братья-славяне? Смирный фашист, когда ему хвост прищемят?

– Так-то оно так, да только...

Командир взвода отрядил автоматчиков для отправки пленных на сборный пункт, прислушался к затихающей перестрелке в развалинах соседнего квартала, разрешил сделать перекур. Кто-то вынес из дома кресло – массивное, с резной высокой спинкой, тонкими позолоченными ножками. Солдаты, усаживаясь в него, перематывали портянки, морщились. Ещё по весне многие прельстились добротностью немецких сапог, побросали ботинки, не подумав.

Легкомыслие обошлось дорого: сапоги не изнашивались, ноги в них прели и стирались в кровь.

Солдаты с завистью поглядывали на своего отделенного: через своего знакомого старшину Курносов ухитрился получить на складе хромовые сапожки первого срока носки. Лёгкие, мягкие, красивые, они подчёркивали молодцеватость владельца.

Мимо дома, распыляя траками гусениц кирпичи и щебень, прошла «тридцатьчвёрка». Из её пушки выметнулся ярко-фиолетовый факел, грохнул выстрел. Откуда-то посыпались со звоном чудом уцелевшие стёкла. Машина словно бы присела, рванулась вперёд, и башня её стала разворачиваться. Кто-то позавидовал:

– Малина танкистам – сиди да постреливай!..
Всю жизнь босиком воевать можно.

Внезапно из подвала в дальнем углу двора ударил немецкий автомат. лейтенант выпорхнул

из кресла, scomандовал срывающимся на тенор баском:

– Ложись!

Взметнулись цепочкой фонтанчики пыли, от спинки кресла отлетела щепка.

– В дом, все в дом! – торопливо распорядился лейтенант. – Со второго этажа с этим недобитком побеседуем...

Под каменным прикрытием второго этажа разозлённые солдаты остыли: возле продолговатого окна подвала, похожего на амбразуру, плакал, метался от страха ребёнок лет шести.

– Чё-ерт... Чего только на войне не увидишь! Откуда он взялся-то?..

Гулкая дробь из подвала срезала перебежавшего двор посыльного второй роты. Ефрейтор взмахнул руками, будто потягиваясь, запрокинулся навзничь.

– Пробраться на улицу, подсказать танкистам, – хмуро предложил солдат в одном сапоге. – А так...

– Крепко соображаешь. А пацан?

– А что – пацан? Пацан лет через двадцать тоже «хайль» заорёт.

– Мальчонка-то при чём?!

Солдат вскипел:

– А вон мой земляк Гошка посреди двора улётся – он при чём? Эта тварь подвальная ещё кого-то уложит – крови не нагляделись? А танк – один снаряд, и – пишете письма. Попробуй так...

– Почему бы и не попробовать... – Курносов щелчком отшвырнул стреляную автоматную гильзу, проследил за её полетом задумчиво. – Разрешите, лейтенант?

...Сначала он полз. Очередь трассирующих пуль, словно предупреждение, разорвала пропылённый воздух над каской. Курносов затаил дыхание, замер: заметили – не заметили?.. Впереди захныкал мальчишка – тоненько, жалко. Не отрывая головы от земли, сержант глянул вперёд одним глазом. Прикинул: ещё несколько метров, и он окажется в мёртвом пространстве. Всё тело собралось привычно, превратилось в тугую сгусток мускулов.

Дуло вражеского автомата задрожало. Прыжок, другой, и сержант возле окна. Словно на гадюку, наступил он на прыгающий чёрный ствол, придавил его к нижнему выступу. Секунда – и в подвал полетела граната. А долей секунды раньше левую ногу сержанта обожгло двумя пулями.

Когда подбежали товарищи, Курносов, прислоняясь к стене, смотрел сосредоточенно, как чужая земля жадно впитывает яркие капли его крови. Побледневший сержант попробовал шутить:

– Сапоги попортил, мерзавец... Где я теперь такие достану? Хромовые, первого срока...

В медсанбат Курносова доставили на трофейной генеральской шинели. Заодно и мальчишку прихватили: не оставлять же его в пекле!

Диковатые глазёнки мальчугана быстро оттаяли, на другой день он уже выучил несколько слов по-русски, смешно коверкал их. Особенно забавляло его, когда сержант доставал из-под койки сапог, ковырял ногтем круглые пулевые дырки, сокрушался, потешая товарищей по палате:

– Какую обувь попортил, мерзавец! Ребята, кто по-фрицевски кумекает? Переведите этому сопляку, какой убыток ради него гвардии сержант Михаил Денисович несёт... Как, говоришь, кличут-то тебя, крестник? Имя, спрашиваю, как?

– Карл, – каркающее сообщил мальчик. – Их бин Карл.

– Ну вот, заладил: кар, кар... Окрещу тебя, парень, по-нашенски временно – Иваном. Вот подскажи, Иван, могу ли я в таких сапогах на парад пойти? Нет, ясное дело.

Мальчик выглядывал из подушек, будто галчонок из гнезда, крутил головой и ждал с нетерпением, когда кто-нибудь переведёт ему слова весёлого русского солдата.

А через несколько дней Курносов отпросился из медсанбата, они с Карлом-Иваном расстались...

А там и война кончилась.

...Михаил Денисович примерил сапоги, прошёлся по веранде. Потом снял обновку, посмотрел за окно задумчиво. Силуэты вишенки стали густыми, сочными, будто деревца враз подросли, придвинулись к дому. Лёгкий ветерок принёс запах нагретой за день молодой зелени, звуки баяна от речушки.

– Свет включить?..

Михаил Денисович рассеянно посмотрел на жену и, словно умываясь, провёл по щекам ладонями. Ещё раз полюбовался подарком, вздохнул:

– Хороши сапоги, да только не по мне уж. Нога не та, в туфлях привык... Пусть Петька носит, парню в армию идти по осени. А теперь вот что, мать, дай-ка мне бумаги да раздобудь конверт покрасивше...